

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан

Сын рассвета

Нью-Йорк, 2000 год

Внутри каждого мира таятся иные миры. И те, кто ищет свой дом, странствуют по всем мирам, в какие только могут проникнуть.

Некоторые представители рода человеческого полагали, будто их мир — единственный на свете. Они и не догадывались, что есть и другие, до которых подать рукой, и демоны неутомимо ищут дверь, чтобы к ним пробраться, а Сумеречные охотники эту дверь стерегут. И уж тем более не догадывались, что существует Нижний мир — община волшебных созданий, которые обитают в одном мире с людьми, выкраивая себе в нем место.

Всякой общине нужно сердце. Должно быть какое-то место, где можно собираться всем вместе, торговать товарами и тайнами, обретать любовь и богатство. И потому-то по всему миру работали Сумеречные базары, куда приходили жители Нижнего мира и люди, наделенные Зрением.

Обычно торговцы расставляли свои лотки и палатки под открытым небом.

Но в Нью-Йорке даже магия была немного не такой, как везде.

Заброшенный театр стоял на Канал-стрит с двадцатых годов — немой свидетель, но ни в коей мере не соучастник той бурной деятельности, к которой, в сущности, и сводилась жизнь города. Люди, лишённые Зрения, проходили мимо его терракотного фасада, спеша по своим делам. Если кто-то и бросал на него случайный взгляд, им казалось, что театр, как всегда, темен и пуст.

Им не дано было увидеть дымку эльфийского света, заливавшего золотом ободранный амфитеатр и голые бетонные залы. А Брату Захарии — дано.

Дитя безмолвия и тьмы, он шел по залам, вымощенным желтой, как солнечный свет, плиткой; золотые и алые панели полыхали на потолке у него над головой. В альковах по стенам стояли почерневшие от старости бюсты, но сегодня фэйри увидели их цветами и плющом. Обратни развесили на заколоченных окнах мерцающие амулеты в виде полумесяцев и звезд, чуть расцветив полустлевшие красные портьеры, которые до сих пор висели в арочных оконных проемах. Фонари со створками напомнили брату Захарии о тех давних временах, когда он сам — и весь мир — были совсем другими. В одном из огромных и гулких залов висела люстра, давно уже не работавшая, но этой ночью магия чародеев окружила все лам-

почки разноцветным пламенем. Они сверкали словно самоцветы — аметисты и рубины, сапфиры и опалы, их свет создавал какой-то особый мир, казавшийся и старым, и новым, и возвращали театру весь его былой блеск. Некоторым мирам отмерен срок жизни всего лишь на одну ночь.

Если бы Базар мог наделить его теплом и светом хоть на одну ночь, Брат Захария согласился бы не глядя.

Настойчивая фэйри четырежды попыталась продать ему приворотный талисман. Захария, может, и хотел бы, чтобы на него действовали такие талисманы. Существа, настолько далекие от всего человеческого, как он, никогда не спали, но иногда он ложился и отдыхал, надеясь обрести подобие покоя. Но покой никогда не приходил. Долгие ночи напролет брат Захария чувствовал, как любовь утекает у него между пальцев — больше воспоминание, чем настоящее чувство.

Брат Захария не принадлежал Нижнему миру. Он был Сумеречным охотником, и не просто Сумеречным охотником, а членом братства, посвятившего себя тайной магии и мертвецам. Безмолвные Братья, неизменно в плащах с капюшонами, дали скрепленный рунами обет молчания, отрешились от всего мирского. Нередко они внушали страх даже своим сородичам, а жители Нижнего мира, как правило, вообще избегали Сумеречных охотников, — но к присутствию именно этого Сумеречного охотника на Базарах

они уже успели привыкнуть. Брат Захария приходил на Базары уже лет сто — в долгих поисках, которые (даже сам он уже начинал так думать), могли оказаться бесплодными. И все же он продолжал искать. Брат Захария владел немногим, но времени у него было предостаточно, и он старался не терять терпения.

Впрочем, сегодняшний вечер уже успел его разочаровать. Чародею Рагнору Феллу сообщить ему было нечего. Никто из других его немногочисленных связных, собранных с большими трудами не за один десяток лет, не явился. Брат Захария медлил не потому, что на этом Сумеречном базаре ему нравилось, а лишь потому, что он помнил, как нравилось ему на Базарах *когда-то*.

Тогда это был словно побег из тюрьмы, но Брат Захария почти забыл, каково это — стремиться сбежать из Города Костей, который стал его домом. На задворках сознания, холодные, как прилив, который вот-вот смоеет все остальное, постоянно звучали голоса его Братьев.

Они торопили его скорее вернуться домой.

Брат Захария развернулся в мерцании усыпанных алмазами окон. Он уходил с Базара, пробираясь сквозь смеющуюся и торгующуюся толпу, когда услышал, как женский голос произнес его имя:

— Так, еще раз: на кой нам этот Брат Захария? С нормальными нефилимами проблем не оберешься: ангельская кровь, выглядят так, будто трость проглотили, и ходят такие важные. А уж

с Безмолвными Братьями, держу пари, там не трость, а целый боевой посох. В караоке с ним точно не сходишь.

Девушка говорила по-английски, но юноша ответил ей по-испански:

— Тихо. Я его вижу.

Это оказалась пара вампиров, и, когда Брат Захария обернулся, юноша вскинул руку, чтобы привлечь его внимание. Ему было на вид не больше пятнадцати лет, а второй, девушке — не больше девятнадцати, но для Захарии это ничего не значило. Сам он тоже до сих пор выглядел молод.

Чтобы незнакомый обитатель Нижнего мира по доброй воле попытался привлечь его внимание? Это было что-то новенькое.

— Брат Захария? — уточнил юноша. — Мне нужно с вами поговорить.

Девушка присвистнула.

— Вот теперь вижу, на что он нам сдался. Приветик, брат Ах-ария.

Вот как? — переспросил у юноши Брат Захария. Он испытывал нечто такое, что в былые времена сошло бы за удивление, и был как минимум заинтригован. *Могу я быть вам чем-то полезен?*

— Очень на это надеюсь, — сказал вампир. — Я — Рафаэль Сантьяго, заместитель главы Нью-Йоркского клана, и бесполезных не люблю.

Девушка взмахнула рукой.

— Я — Лили Чен. Он всегда такой.

Брат Захария взглянул на них с новым интересом. Прядки в волосах вампирши были выкрашены в неоновую-желтый цвет, алое ципао¹ очень ей шло, и, несмотря на сказанное ею, она улыбалась словам своего спутника. Юноша был кудряв, миловиден и всем своим видом излучал презрение. Под горлом у него, где мог бы висеть крест, виднелся шрам от ожога.

Полагаю, у нас есть общие друзья, сказал Брат Захария.

— Не думаю, — возразил Рафаэль Сантьяго. — Друзей у меня нет.

— Ой, ну спасибо тебе большое, — сказала стоявшая рядом девушка.

— Ты, Лили, — холодно произнес Рафаэль, — моя подчиненная.

Он вновь обернулся к Брату Захарии.

— Я так полагаю, вы имеете в виду чародея Магнуса Бейна. Этот мой коллега всегда имел с Сумеречными охотниками куда больше дел, чем мне представляется допустимым.

Интересно, подумал Захария, а говорит ли эта Лили на мандаринском наречии? Безмолвные Братья, изъяснявшиеся передачей мысли, в языках не нуждались, но по родному Захария порой скучал. Бывали ночи (в Безмолвном Городе всегда стояла ночь), когда он и имени-то своего не помнил, но помнил, как его мать, или отец, или нареченная говорили на мандаринском. Его неве-

¹ *Ципао* — длинная рубашка-платье, плотно облегающее фигуру, с высокими разрезами по бокам.

ста учила ради него китайский — тогда он еще думал, что доживет до свадьбы. Он был бы не прочь подольше поговорить с Лили, но тон ее спутника ему не очень понравился.

Поскольку вам, судя по всему, до Сумеречных охотников дела нет, а в наших общих знакомых вы заинтересованы слабо, заметил Брат Захария, *зачем вам понадобился я?*

— Мне нужно поговорить с Сумеречным охотником, — сказал Рафаэль.

Так почему бы не отправиться в ваш Институт?

Рафаэль презрительно усмехнулся, обнажив клыки. Никто не умел усмехаться так, как вампиры, а этот вампир усмехался особенно мастерски.

— Этим Институтом, который вы называете моим, управляют.. как бы помягче выразиться... фанатики и убийцы.

Мимо прошел фэйри, торговавший лентами с вплетенными в них чарами иллюзий; за ним тянулись голубые и лиловые флаги.

Выразились вы не особенно мягко, не удержался Брат Захария.

— И правда, — задумчиво сказал Рафаэль. — Тактичность — не самая сильная моя сторона. В Нью-Йорке жизнь Нижнего мира всегда была ключом. В огнях этого города мы все словно оборотни, воюющие на электрическую луну. Еще до меня тут один чародей попытался уничтожить мир. Глава моего клана, вопреки моим советам,

пошла на катастрофический эксперимент с наркотиками и превратила город в скотобойню. Схватки оборотней не на жизнь, а на смерть за главенство над стаей в Нью-Йорке случаются гораздо чаще, чем где бы то ни было. Семейство Уайтлоу из Нью-Йоркского Института понимало нас, а мы — их. Уайтлоу пали, защищая жителей Нижнего мира от тех, кто теперь занимает их Институт. Конечно же, когда Конклав назначил нас карой для Лайтвудов, нас самих он не спрашивал. Теперь мы не хотим иметь с Нью-Йоркским Институтом ничего общего.

Рафаэль говорил уверенно, и Брат Захария подумал, что наверное, стоит беспокоиться. Он сражался во время Восстания — когда банда молодых отступников взбунтовалась против своих вождей и против Соглашений с Нижним миром. Ему рассказывали, как Круг Валентина открыл в Нью-Йорке охоту на оборотней и как на пути у Круга встали Уайтлоу, а это привело к такой трагедии, которой не хотели даже повстанцы — кучка озлобленных, ненавидящих Нижний мир юнцов. От того, что Лайтвудов и Ходжа Старквезера сослали в Нью-Йорк, Брат Захария был не в восторге, но поговаривали, что Лайтвуды с тремя детьми тут осели и искренне раскаиваются в том, что натворили раньше.

Мирская боль и борьба за власть, если смотреть на них из Безмолвного Города, казались очень далекими.

Захария и не догадывался, что жители Нижнего мира возненавидят Лайтвудов настолько, что откажутся от их помощи даже тогда, когда Сумеречные охотники понадобятся по-настоящему. Наверное, стоило все-таки догадаться.

У жителей Нижнего мира и Сумеречных охотников долгое и сложное прошлое, полное боли, и вина за это большей частью лежит на нефиллимах, признал Брат Захария. И все же за века они научились работать вместе. Я знаю, что пока Лайтвуды следовали за Валентином Моргенштерном, они творили чудовищные вещи, но если они и вправду раскаиваются, почему вы не можете их простить?

— На мне самом вечное проклятие, так что с моральной точки зрения я против Лайтвудов ничего не имею, — нравоучительным тоном изрек Рафаэль. — Но я имею серьезные возражения против перспективы лишиться головы. Если у Лайтвудов будет хоть малейший предлог, они истребят весь мой клан.

Единственная женщина, которую когда-либо любил Захария, была чародейкой. Он видел, как она скорбит из-за Круга и его деяний. У Брата Захарии не было никаких причин поддерживать Лайтвудов, но всякий заслуживал второго шанса, если по-настоящему его хотел.

А еще среди предков Роберта Лайтвуда была женщина, которую звали Сесили Эрондейл.

Вряд ли до этого дойдет, мягко возразил вампиру Брат Захария. И разве не лучше восстано-

вить отношения с Институтом, вместо того чтобы ловить на Сумеречном базаре Безмолвного Брата?

— Разумеется, лучше, — сказал Рафаэль. — Я признаю, что ситуация далека от идеальной. Но это не первый хитрый план, который я был вынужден применить, когда мне понадобилась аудиенция у Сумеречных охотников. Пять лет назад я пил кофе с проезжей представительницей Эшдаунов.

Обоих вампиров передернуло от отвращения.

— Ненавижу Эшдаунов! Вот просто ненавижу, — заметила Лили. — Такие зануды! Думаю, что если бы я решила попробовать кровь кого-то из них, то уснула бы в процессе.

Рафаэль бросил на нее предостерегающий взгляд.

— Но я даже подумать не могу, чтобы выпить крови Сумеречного охотника без его согласия, ведь это было бы нарушением Соглашений! — громко заявила Лили. — Соглашения для меня чрезвычайно важны.

Рафаэль зажмурился, лицо его на миг исказила гримаса отвращения, но мгновение спустя он открыл глаза и кивнул.

— Ну так что, Брат Воздыхария, поможете нам выпутаться? — безмятежно спросила Лили.

Безмолвное Братство обдало его холодной волной неодобрения — словно разум завалило камнями. Захария пользовался огромной, по меркам Безмолвных Братьев, свободой, но частыми ви-

зитами на Сумеречные базары и ежегодными встречами с некой дамой на мосту Блэкфрайерс он и без того испытывал их терпение.

Если бы Брат Захария начал общаться с жителями Нижнего мира по тем вопросам, которые вообще-то прекрасно решались силами Института, его привилегии, чего доброго, могли бы и отозвать.

Рисковать встречей на мосту он не мог. Чем угодно, только не этим.

Безмолвным Братьям запрещено вмешиваться в дела внешнего мира. В чем бы ни состояли ваши затруднения, сказал брат Захария, я убедительно призываю вас обратиться по этому вопросу в ваш Институт.

Он склонил голову и собрался уйти.

— Мои затруднения, — сказал ему в спину Рафаэль, — это оборотни, контрабандой ввозящие в Нью-Йорк *инь-фэнь*. Слыхали когда-нибудь про *инь-фэнь*?

Колокола и песни Сумеречного базара словно умолкли.

Брат Захария резко повернулся обратно к вампирам. Рафаэль Сантьяго глядел на него мерцающими глазами, и у Брата Захарии не осталось ни малейшего сомнения в том, что ему немало известно о его, Брата Захарии, биографии.

— А, — сказал вампир, — вижу, слыхали.

Брат Захария, как правило, старался хранить воспоминания о смертной жизни — но теперь ему пришлось сделать усилие, чтобы прогнать непро-